

<http://postnauka.ru/books/13214>

5 книг о русском языке

Что читать об истории русского языка и его особенностях

рекомендует доктор филологических наук Максим Кронгауз

Я могу назвать пять книг о русском языке, к которым приложим эпитет «классические», а если добавить пафоса, то это книги-легенды. Речь идет о трех популярных книгах и двух научных, но – и это редчайший случай – эти две монографии может с удовольствием читать или просматривать неспециалист. Начну с них.

1

С. И. Карцевский «Язык, война и революция» («Из лингвистического наследования», М.: Языки русской культуры, 2000)

Эта небольшая книга вышла в Берлине в 1923 году. Она содержит необычайно интересные наблюдения над изменением русского языка в начале двадцатого века, а точнее – с 1905 года. Автор в ту пору уже эмигрант, и это позволяет ему быть более откровенным. Именно Сергей Иосифович Карцевский сохранил для нас всевозможные названия ЧК: от чрезвычайки, чайки и черзчурки до Верочки (Всероссийская ЧК), Манечки и Эмочки (Московская ЧК). И от него мы узнали, что выражение «Вера Михайловна» означало высшую меру наказания, а «умереть от угрызения совести» – быть расстрелянным. Книга читается с огромным интересом и

из-за своей краткости доступна для всех.

2

А. М. Селищев «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926)» (М.: УРСС, 2003)

Эта книга появилась в 1928 году и до сих пор остается самым полным описанием языка революционной эпохи. Русский описывается на фоне французского языка XVII–XVIII вв., что позволяет увидеть поразительные аналогии. В советское время книга хранилась в спецхране, и трудно даже понять, почему автора не посадили сразу. Приведу одну цитату, которую сам Афанасий Матвеевич Селищев приводит как цитату из «Рабочей

Москвы»: «Недаром некоторые поговаривают: – Говорит непонятно – значит, большевик...». Селищева арестовали в 1934 году по делу «Российской национальной партии» и осудили на пять лет лагерей. На свободу он вышел совершенно больной, но досрочно – в 1937 году. Умер в 1942-м. Книга Селищева – выдающийся памятник эпохе и русскому языку того времени.

3

К. Чуковский «Живой как жизнь» (М.: КДУ, 2004)

Пожалуй, моя самая любимая книга о русском языке. Корней Чуковский велик в разных своих ипостасях. Мне трудно представить себе писателя, переводчика, критика, наконец, просто интеллигента, понимающего язык так, как понимают его лингвисты. То есть не ужасающегося неграмотности окружающих, ошибкам молодежи и т.п. (или, по крайней мере, не только ужасающегося), но сознающего неизбежность изменений языка и его норм.

Многие мысли и слова Чуковского кажутся написанными о нашем времени. Вот например: «Но вот миновали годы, и я, в свою очередь, стал стариком. Теперь по моему возрасту и мне полагается ненавидеть слова, которые введены в нашу речь молодежью, и вопить о порче языка. Тем более что на меня, как на всякого моего современника, сразу в два-три года нахлынуло больше слов, чем на моих дедов и прадедов за последние два с половиной столетия» (напомню, что книга вышла в свет в 1962 году). А вот Чуковский, несмотря на то, что так полагается, не ненавидит. Хотя кое-что все-таки ненавидит. И для этого ненавидимого им объекта он придумал термин, который пережил свое время и используется до сих пор – «канцелярит» (собственно, так называется одна из глав его книги).

4

Н. Галь «Слово живое и мертвое» (М.: Время, 2012)

А эта книга, несмотря на определенное сходство с предыдущей, имеет противоположный посыл. Автор – переводчица с английского и французского, литературный критик, редактор, обладающий прекрасным языковым вкусом. Как и Корней Чуковский, Нора Галь подробно разбирает речевые неточности или ошибки и очень четко ставит диагноз. Но, в отличие от Чуковского, почти никогда этих ошибок не прощает. Именно поэтому книга «Слово живое и мертвое» так близка многим читателям с филологическим образованием и вообще интеллигентным людям. Ведь язык, как мы знаем, отличный инструмент установления социальной иерархии, и знание литературной нормы, безупречный языковой вкус возносят культурного человека на вершину социальной пирамиды. А вот лингвист (даже и не лишенный языкового вкуса) почему-то сопротивляется и норовит вставить хотя бы одно «но». Да что лингвист, лично я сопротивляюсь почти так же, как сопротивляюсь редактору, который хочет

улучшить мою речь, заменяя «достаточно» на «довольно» и «сложно» на «трудно». Для меня крайне важно, что по-русски можно говорить и писать по-разному, и это разнообразие не сводимо к единому «правильному» стилю. И именно это разнообразие дает возможность языку изменяться, так что неправильное становится правильным и наоборот. О чем, собственно, и писал Корней Чуковский.

М. В. Панов «И все-таки она хорошая» (М., 1964. (2-е изд., испр., М.: Вербум-М, 2007))

Еще одна книга-легенда, хотя и менее известная, чем уже обсужденные. Она написана выдающимся лингвистом и рассчитана на массового читателя. Сегодня лингвисты довольно часто пишут популярные книги, но в своем поколении Михаил Викторович Панов был, по-видимому, единственным. Я бы вообще назвал его первопроходцем. В отличие от многих лингвистов, он любил писать понятно и увлекательно, порой удивляя читателя. У него, безусловно, был литературный дар. Его книга начинается с чудесной фразы: «Я знаю, что многие из моих читателей плохо относятся к орфографии». Грубо говоря, эта фраза и название книги описывают ее содержание: автор объясняет читателю, почему можно и нужно любить русскую орфографию. Думаю, что современные лингвисты-популяризаторы

(и я в том числе) многим обязаны Михаилу Викторовичу. И еще – его популярные книги интересно читать и взрослым, и детям. Впрочем, для детей он писал и отдельно, включая учебники. Их едва ли можно рекомендовать всем, но детям, увлеченным языком, безусловно, да.